

рять св. о. о. IV вселен. собора устами епископа Анатолія, кто такъ произвольно оторвалъ самаго себя отъ первосвященника (какъ митрополитъ Амвросій оторвалъ себя отъ своего патріарха, и отъ всѣхъ священниковъ цѣлаго міра? Ни подъ какимъ видѣмъ не должно быть въ санѣ священства» (Дѣян. IV вселен. соб., т. IV-й, изд. Казань, 1878 г. л. 222-й, а по издан. 1865 г. л. 501-й). „А иже оставиши свой санъ жъ и чинъ, и отступиши восточныя церкви, въ ней же окрещени быша, въ ней же воспитани, въ ней же научени, въ ней же рукоположени... тѣи убо аще пребудуть во отступленіи; да будутъ не токмо низложены священническаго, или святительскаго чина, но и отлучени и не прощени, и внѣ церкви Христовы..., но и клятвѣмъ и проклятію подлежати“ (кн. Кирил. 6 послан. Мелетіево. л. 505 об. и 506-й) Если они обратятся къ церкви, то ихъ должно принимать не иначе, какъ простецовъ, по словамъ св. Кипріана, а не въ сущихъ санахъ. „Пресвитеровъ и діаконовъ, которые, или бывъ рукоположены сначала въ каволлической церкви, впоследствии времени сдѣлались измѣнниками и возмутителями противъ церкви, или же у еретиковъ лжеепископами.. ихъ когда обращаются, надобно принимать подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они допускались къ общинѣ, какъ простые міряне.“ (Св. Кипріанъ ч. 1, л. 329-й 330-й). Разъ митрополитъ Амвросій не сохранилъ братской любви, ни церковнаго единенія, а произвольно оторвалъ себя отъ своего первосвященника и священниковъ цѣлаго міра, то онъ, по словамъ св. Кипріана, Златоуста, блаж. Августина и др., потерялъ то, чѣмъ былъ прежде, потерялъ ту благодать, которую имѣлъ, сдѣлался безблагодатнымъ, а безблагодатный, что можетъ дать другому, чего самъ не имѣеть? „Кто можетъ дать то, говоритъ св. Кипріанъ, чего самъ не имѣеть? Или какъ можетъ совершать духовное самъ потерявшій Духа Святаго? Могутъ ли дать благодать Христову тѣ, которые суть противники Господа и названы антихристами“ (св. Кипріанъ ч. 1, л. 323, 324), а „противники Господа и антихристы, говоритъ св. Кипріанъ, суть тѣ кои отступили отъ любви и единства каволлической церкви (св. Кипр. ч. 1, л. 361-й). Такимъ образомъ, говоритъ одинъ епископъ, присутствовавшій на соборѣ въ 256 году, «благословляетъ у нихъ отверженный Богомъ, мертвый общаетъ жизни, не имѣющій мира даетъ миръ, богосулъникъ призываетъ Бога, дѣла священника исправляетъ непризванный къ тому, приступаетъ къ алтарю святотатць» (О правил. и чинопослѣдовъ принят. неправослав. христ. въ православ. цер. Сергія. еписк. Вятскаго л. 32-й изд. Вятка 1894 г.) Въмѣсто благословенія они низводятъ на своихъ послѣдователей клятву: „Посылаю на вы клятву, говоритъ св. прор. Малахія, и проклену благословеніе ваше и оклену е; и разорю благословеніе ваше, и не будетъ въ васъ.. и раскидаю потребу на лица ваши“ (прор. Малахія гл. 2, ст. 2 и 3-й). Блаженный Теодоритъ, еписк. Кирскій, толкуя эти слова пророка, говоритъ: „Послику добровольно отступили они отъ благочестія (какъ и Амвросій) и лишены стали добродѣтели, то скажутъ имъ, что на лица ихъ раскидаеть потребу“ (блажен. Теодоритъ ч. V л. 134-й изд. 1907.) Вотъ что представляетъ изъ себя австрійская іерархія!..., она ненавидитъ и противна Богу, равно какъ и ея

лица, самовольно восхитишия себя пастырскій жезлъ: они какъ сами не спасутся, такъ равно и другихъ не спасутъ, какъ сами погибаютъ, такъ и другихъ ведутъ въ погибель... „Кто самовольно по влстолюбію беретъ пастырскій жезлъ, говор. св. Теодоръ Студитъ, тотъ ненавидитъ и противенъ Богу, не спасетъ другихъ и самъ не спасется.“ (Теодоръ Студ. ч. 2, л. 504-й изд. 1908 г.) „За самовластіе, присвоенное себѣ, говор. св. о. о. IV вс. соб., священникъ не дѣлается священникомъ, но является прелободѣемъ церковнымъ..., отлется на пастыремъ овецъ Христовыхъ, но лотымъ волкомъ, не отцемъ, но отцеубійцею, не женихомъ, но осквернителемъ брачнаго чертога. (Дѣян. IV вс. соб. т. IV л. 240, изд. Казань 1878 г. св. Кипр. ч. 2, л. 185-й изд. Кіевъ 1891 г.) Итакъ слѣдуетъ убѣгать отъ таковыхъ людей (пастырей) и какъ смертельную заразу, отдалять отъ себя, дабы не погибнуть вмѣстѣ съ ними. (Св. Кипріанъ ч. 2 191-й ч. 1 л. 363, 367-й 368; св. Иринея еписк. Лионскій л. 388-й изд. 1900 г.)

Уздный миссіонеръ, Священникъ Соборной города Кузнецка церкви Петръ Архангелскій.

БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ. *)

(Изъ поѣздки въ Святую Землю, Египетъ и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

Шлемъ изъ далекой Россіи привѣтъ и лучшія пожеланія этимъ добрымъ людямъ, скрасившимъ наше пребываніе въ Константинополѣ и своими разсказами и поясненіями оживившими передъ нами древнюю исторію Царьграда. День, проведенный подъ руководствомъ и въ сопровожденіи Шмидтовъ, былъ самымъ лучшимъ, интереснымъ и полезнымъ за все пребываніе въ Константинополѣ. Утомленные цѣлодневнымъ путешествіемъ, мы уже вечеромъ возвратились въ свое подворье, поужинали и сейчасъ же разошлись по своимъ номерамъ гдѣ и заснули какъ убитые.

На утро мы встали довольно рано, подкрѣпились чаемъ и закускою и двинулись къ стамбульскому мосту, посреди котораго сѣли на маленькій пароходикъ, что бы отправиться на принцыевъ острова. Эти послѣдніе тѣсною группою расположены у сѣверо-восточнаго побережья Мраморнаго моря. Нѣкогда на нихъ процвѣтали многочисленныя монастыри.

Въ періодъ византійской эпохи острова служили частью лѣтней резиденціей, частью мѣстомъ ссылки принцевъ и принцессъ. Населеніе острововъ почти исключительно греческое. Острововъ всего девять: четыре большихъ и пять маленькихъ. Послѣдніе мало посѣщаются, на первыхъ же множество дачъ. Къ числу крупныхъ острововъ принадлежатъ: «Халки», «Проти», «Антигони», „Принкипо“. Острова представляютъ изъ себя красивую группу холмовъ, выступающихъ изъ воды блестящею зеленою травою. Это великолѣпная дачная мѣстность.

Выплывъ изъ золотого рога, мы по голубымъ водамъ Босфора поплыли въ открытое Мраморное море. По дорогѣ къ островамъ мы видѣли часть турецкой

*) Продолженіе, см. № 5 „Сар. Дух. Вѣст.“

эскадры, состоящей из 2 броненосцев и нескольких крейсеров. Мы съездили с них несколько фотографических снимков, но близко не проходили, а потому подробно и не рассмотрели. Вскорь остановились у первого острова «Проти». Все принцезы острова походят друг на друга, все они представляют правильный холм, как бы часть огромного шара, покоящегося на синих волнах моря. Они усыпаны местами множеством кипарисов и пихты и красивыми веселыми легкими домиками с балконами, выходящими на море. Вскорь мы пристали к главному острову „Принкипо“. Этот остров самый большой из всей группы. Здесь мы вышли и прежде всего отправились завтракать. Нам подали завтрак на великолепной террасе над морем. Солнце высоко поднялось в небо и его лучи прямо перпендикулярно падали на море, делая его воды светло-голубыми, одного цвета с небом. Далеко-далеко видно пространство этих светлых красивых вод; на горизонте едва виден безпомощно повисший парус маленькой лодочки. Тихо кругом, только море едва плещет лениво омывая своими голубыми водами гранитную бережную острова.

Здесь на балконе мы снимались и обедали, потом частью на ослах, частью пешком отправились в обход острова к монастырю Св. Георгия. Дорога, окаймленная высокими темно-зелеными остроконечными кипарисами и низкими коренастыми пихтами, усыпанная камнями и хвоей кипарисов, вела вверх на вершину острова, где находился монастырь. Трудно было идти по такой дороге и мы, свернув в лес, пошли по почве, устланной хвоей и хрустевшей под ногами. Веселую гурьбою поднимались мы все выше и выше; те из наших, которые шли пешком, бодро шли вперед. Вскорь показалась верхушка колокольни, еще минута и мы вошли на площадку на высшую точку острова и остановились, любясь прекрасными видами. Внизу, по крутому склону горы, росли кипарисы, а там еще дальше разстилалось море нежно голубого цвета, гармонируя с безоблачными сводами неба; на нем полная тишина. Вдали точно маленькая белая точка, едва заметная, несет лодочка с бесчисло повисшими парусами. Мы уже привыкли видеть море, но такого красивого моря мы еще не видели. На сколько в бурную ночь воды Черного моря казались нам черными, настолько теперь волны Мраморного моря были бледны, чуть тронуты бледно-голубой краской. Солнце перпендикулярно посылая свои лучи на темно-зеленые кипарисы, на бережные дачи и море. А вот и Босфор с его кипучей бьющей ключем жизнью; по его водам то и дело бьются пароходики, движутся корабли, снуют бесчисленные катера и лодочки. Непрерывный нестройный шум свистков постоянно несет с Босфора. Там все кипит жизнью, а здесь природа, тихий уголок, освещенный тенью кипарисов с тихим монастырем сверху.

Через несколько минут все спустились вниз. Выкупавшись в море, отправились назад. Пароход уже стоял у пристани и тяжело пыхтел. Вскорь мы покинули остров „Принкипо“ и уже вечером

добрались до Стамбульского моста, а вскорь были дома и, сидя в столовой за чаем, думались впечатлительными.

Все были довольны, веселы и оживлены; и почти всем шумный Константинополь порядочно надоел и все с удовольствием провели день на лоне природы. Довольно рано мы улеглись спать.

Следующий день для нас был полон неудач. Утром, под руководством Директора, мы ходили на селямлик, но ничего не видели. Церемония селямлика совершается в Константинополе каждую пятницу, между полуднем и часом в саду Ильдиз Кюска. Одеты в стамбулинский черный сюртук с короткими воротником, в феск, без всяких знаков отличия своего достоинства, султан пробуждает сад, между двух рядов сановников в полной форме и войск, стоящих шпалерами при оружии. Обыкновенно следуют еще два-три кареты с дамами гарема, принцезы крови и высшими чинами двора. Сыновья султана выъезжают верхом. После молитвы султан пробуждает из мечети обратно во дворец в открытом экипаже. Церемония предшествует парад: войска с музыкою идут церемониальным маршем. Испытывая досадную неудачу не видеть селямлика, некоторые из участников нашей группы пошли на знаменитый стамбульский базар. Многие уже хорошо ознакомились с близкими местами Константинополя и без труда добрались до стамбульского моста.

Этот огромный длинный мост, кипящий жизнью, всегда производил на нас впечатление чего то пестрого, шумливого спешно-движущагося. Это было какой-то калейдоскоп различных одежд, выговором, лиц и наций. Здесь, кажется, можно видеть все народы, все племена. Вот навстречу нам идет в европейском костюме, но в красной феске, турок. Османский турок вообще красив. Крупные черты лица, крупный нос горбинкою, черная бровь, нависшая над огненно-черными глазами,—вот отличительные черты турок. Это богатый турок как бы представитель турецкой интеллигенции. Напрасно турок считают за какой-то полудикой народ, отсталую нацию. Турок умен и стремится к образованию. Каждый турок, кроме своего родного языка, знает непременно и другой, иностранный язык, главным образом французский. Каждому турку—за исключением, конечно, просто-народья,—можно предложить вопрос на французском языке и быть уверенным, что вас поймут и ответят вам. Вот сзади богатого турка идет представитель простонародья, весь в пестром балахон, подвязанном турецким, несколько раз обернутым вокруг тела кушаком, в неизбежной феске на голове; лицо у него смугло, не чисто, руки грубы, заскорузлы. Быстро шагает он по мосту, не глядя ни на кого. А вот и турок торгаш с своим лотком, наполненным разными издвлиями или белой коллекцией фесок, надвтых друг на друга, что-то кричит он охрипшим голосом на своем языке. Вот за ним спокойно идут чинные индусы в белых балахонах с белыми чалмами на голове и разговаривают между собою на своем странном, напоминающим галче-гоготанье, языке. Здесь же

можно видѣть и иезуитовъ въ ихъ черныхъ мантияхъ съ бѣлыми галстухами и курчавыхъ черноглазыхъ армянъ и египтянъ, сирийцевъ, черногорцевъ, рѣзко выдѣляющихся изъ всѣхъ своимъ красивымъ костюмомъ, своею природною граціей. Вотъ одинъ черногорецъ полный краснощекой молодецъ съ длинными усами, но безъ бороды, въ своей шапкѣ съ барашковымъ околышемъ съ золотой кокардой и краснымъ дномъ. Онъ въ бѣломъ, расшитомъ серебромъ, камзолѣ, на который сверху накинута ярко красная венгерка, въ короткихъ шароварахъ, въ розовыхъ чулкахъ, обувь—блестящая, шитая золотомъ, туфли съ подвязками; легко, граціозно шагаетъ онъ по мосту, едва касаясь ногами деревянныхъ балокъ моста. Эта пестрая толпа, торопливо движущаяся впередъ, конечно не можетъ обойтись,—она не могла бы быть полной,—безъ юркой фигуры еврея, бѣгающаго торопливо по мосту съ его то дерзко-нахальнымъ, то приниженнымъ взглядомъ. Сыны израиля ходятъ кучками, галдя на перерывъ на своемъ непонятномъ языкѣ. Какъ и у другихъ народовъ, у турокъ евреи не пользуются уваженіемъ и имъ запрещено селиться въ турецкомъ городѣ въ количествѣ болѣе извѣстнаго процента. Все это снуетъ и движется и производитъ безпорядочный гамъ, слышны на большое разстояніе. Прибавьте къ этому еще пронзительные свистки пароходовъ, стрѣлой проносящихся подъ мостомъ, и вы получите полную картину этого интереснаго пункта.

За мостомъ слѣдуютъ кривыя улицы, узкія, все застроенныя домами. Пройдя нѣсколько улицъ, мы оказались наконецъ на знаменитомъ стамбульскомъ базарѣ. Это почти безвыходный лабиринтъ, образующій своими улицами, проходами и перекрестками около полутораэта маленькихъ кварталовъ, какъ бы цѣлый городъ. Городъ этотъ почти никогда не видитъ солнечнаго свѣта, постройки его все подъ одной громадной кровлей. Неясный угрюмый полусвѣтъ падаетъ сверху, сквозь маленькіе куполы, усѣивающіе крышу. Каждая улица отведена особой специальности. Существуютъ, напримеръ, кварталъ мѣховъ, образующий улочки сибирскихъ мѣховъ, и рядомъ съ ней кавказскихъ и туркестанскихъ, кварталъ турецкой книжной торговли съ полуотдѣлами арабскихъ, турецкихъ и персидскихъ манускриптовъ и т. д. Въ самой серединѣ, за особой стѣной, находится базаръ оружія. Тутъ же маленькая мечеть, помѣщеніе которой ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго лавочнаго. Она устлана циновками и во внѣбогослужбное время совершенно пуста. Базаръ закрывается по вечерамъ за часъ до заката, открывается же не ранѣе 9 час. утра. Наибольшую оживленностью отличается онъ по понедѣльникамъ, вторникамъ, средамъ и четвергамъ, въ прочіе же дни онъ на половину пустуетъ, такъ какъ ни христіане, ни евреи, ни магометане не торгуютъ.

У сѣверо-западнаго угла стараго базара успѣлъ образоваться новый базаръ. Это вродѣ восточной толкучки: здѣсь основались старьевщики, ткачи, букинисты, рѣзчики по камню и публичные писцы, тутъ-же изготовляющіе дѣловые бумаги. Когда мы подошли къ базару, гвалтъ здѣсь былъ еще больше, чѣмъ на мосту.

Турки торговцы, перекивая другъ друга, наперывъ старались похвалиться своимъ товаромъ. Всякая-вая со ступень, на которыхъ они сидятъ возлѣ своихъ товаровъ, подбѣгая къ покупателю, они безцеремонно берутъ его за руку и влекутъ въ свою лавку, гдѣ ужъ обязательно навяжутъ какую-либо бездѣлушку. Да и чего только нѣтъ въ этихъ лавкахъ! Вотъ нестерпимымъ блескомъ сверкаютъ красные, шитые золотомъ, туфли, здѣсь какой-нибудь кричащій шарфъ, коверъ или что въ этомъ родѣ; тамъ дальше цѣлая коллекція бездѣлушекъ, мундштуковъ, металлическихъ цѣпочекъ, ложекъ, пепельницъ, трубокъ, чубуковъ и т. д. Все это разложено въ безпорядкѣ, но этотъ безпорядокъ какъ бы больше манитъ къ себѣ, чѣмъ чопорная красота выставокъ въ великолѣпныхъ европейскихъ витринахъ. На верхней полкѣ лежатъ неизмѣнные фески. Будучи различныхъ оттѣнковъ и размѣровъ, фески составляютъ необходимую принадлежность каждой турецкой лавочки. Вотъ посреди лавки на складномъ нѣмецкомъ стульчикѣ сидитъ смуглый полный турокъ въ красной фескѣ и неистовымъ голосомъ выкрикиваетъ свой товаръ; часто онъ вскакиваетъ и насильно тащитъ къ себѣ въ лавку покупателей. Мы, какъ неопытные европейцы, были совершенно безпомощны и были принуждены купить всякой ненужной дряни, лишь бы освободиться отъ назойливаго турка. Вотъ дальше турецкая кофейня. Небольшіе неопытные столики безъ скатертей стоятъ прямо на тротуарахъ, за ними сидятъ и оживленно болтаютъ турки. Возлѣ каждаго турка на полу стоитъ сосудъ съ водою, напоминая своей фигуркой круглую бутылку, отъ сосуда идетъ длинная каучуковая трубка, оканчивающаяся огромнымъ костянымъ или деревяннымъ мундштукомъ. Это «кальянъ»,—излюбленное занятіе турокъ за чашкою турецкаго кофе. А этотъ кофе тоже замѣчательнъ; за $\frac{1}{2}$ піастра ($3\frac{3}{4}$ к.) вамъ дадутъ маленькую чашку густого сладкаго чернаго кофе и стаканъ воды. Кофе пьютъ глотками въ перемежку съ водою. Не курящіе играютъ въ шашки или какую то особенно распространенную здѣсь игру. За кофейней тянутся опять лавки. На узкихъ улицахъ шумъ и гвалтъ. Интересенъ тутъ турокъ, продающій лимонадъ. За поясомъ у него цѣлый арсеналъ стакановъ большихъ и маленькихъ, въ эти стаканы за копѣйку, двѣ, три и т. д. онъ будетъ наливать вамъ весьма холодной, мутноватой подозрительной жидкости «газусъ». Цѣны на все не дороги. Сардинки—большая коробка стоитъ 24 коп., маленькая 17 коп.; вишня $2\frac{1}{2}$ ф.— $1\frac{1}{2}$ піастра, абрикосы $2\frac{1}{2}$ ф. (килло) 2 піастра—(16 к.), вина: ликеры, марсала 75 к. вмѣсто 2 р. 50 к. какъ у насъ, ямайскій ромъ лучшій 65 к. бутылка, кюрасо 1 р. 20 к. вмѣсто 4 р. 20 к. у насъ. Костюмъ—тройка—пиджакъ, жилетъ, брюки 6 р. вмѣсто 20 р., чемоданъ 11 р. вмѣсто 30 р., шляпа соломенная 80 к. вмѣсто 5 р., открытки самыя лучшія 2 к.

Съ руками, полными разныхъ покупокъ, мы съ трудомъ возвратились въ подворье. Въ этотъ же день директоръ водилъ насъ въ ильдиз-рюскъ; но довольно долго простоявъ около него и употребивъ все усилія пробраться въ него, мы не могли этого сдѣлать: не были соблюдены какія-то формальности. Въ свое время

мы поужинали. Намъ подали скумбрии просольныя, маслины, уху изъ какой то мелкой рыбы съ лимономъ, картофель жаренный съ огурцами. Послѣ ужина мы отправились укладываться помаленьку. Завтра выѣзжаемъ изъ Константинополя... Паракордъ «Евфратъ» стоитъ на рейдѣ въ ожиданіи отплытія 20-го іюня въ 2 часа дня. Уложившись, мы легли спать, но долго не могли уснуть, дѣлясь своими дневными впечатлѣніями.

На слѣдующій день мы проснулись не поздно, но на сосѣдней крышѣ и въ окнахъ сидѣли и стояли уже люди, раздавался крикъ продавцовъ, шумъ отъ проѣзжающихъ по улицѣ телѣгъ и другія звуки врывались въ наши окна и не давали возможности проспать дольше. Въ церкви на подворьѣ и въ греческой сосѣдней церкви уже началось Богослуженіе. Нынѣ отъѣздъ въ 2 ч. дня! Было ли намъ жалко оставлять шумный Константинополь? Едва-ли! мы уже немного устали отъ этого шума и гвалта. Приятно было бы отдохнуть на морѣ среди тихой жизни, межъ волнъ и неба! Въ послѣдній день своего пребыванія въ Константинополь, въ ожиданіи отъѣзда, мы ничего не дѣлали, безцѣльно бродя по Константинополю придумывали что бы еще купить. Къ часу мы вернулись, но узнали, что паракордъ еще остается на 2 часа. Еще 2 часа скучаго ничего-недѣланія, томительнаго ожиданія. Наконецъ мы выходимъ изъ гостепріимнаго подворья. Носильщики турки уже несутъ наши вещи, не спрашивая ни позволенія, ни мѣста назначенія вещей, ни цѣны за трудъ. Мы просаемся съ гостепріимными иноками и идемъ за носильщиками. Отъ подворья до золотого рога всего нѣсколько шаговъ. Мы прошли таможеню. Уже «Евфратъ» выпускаетъ клубы дыму, далѣ свистокъ, турки ускорили бѣгъ. Вотъ мы на лодкахъ подплыли къ паракорду. Намъ торопятъ. Мы поспѣшно переносимъ свой багажъ въ люки, въ отведенное для насъ мѣсто, при чемъ для удобства образуемъ изъ себя цѣпь. Благодаря этому нашъ багажъ скоро водворяется на свое мѣсто. Послѣдній свистокъ паракорда и мы двинулись съ мѣста, а потомъ быстро направились въ далекое десятидневное путешествіе до Яффы.

Отъ Константинополя до Яффы черезъ Дарданеллы, св. гору Аѳонъ, Салоники, Смирну, Хиосъ, Родосъ, Мерсину, Александретту, Триполи, Вейрутъ и Кайфу.

Изъ Константинополя мы vyplыли въ прекрасную погоду. Вскорѣ съ правой стороны показалось Санъ-Стефано съ русскою церковью надъ братскою могилою. Это мѣсто, гдѣ находились наши войска во время послѣдней турецкой войны и гдѣ былъ заключенъ миръ Россіи съ Турціей. При видѣ Санъ-Стефано разнообразныя мысли и чувства охватили насъ. Съ одной стороны чувство удовольствія въ сознаніи мощи нашего оружія, едва не уничтожившаго всю власть турокъ на Европейскомъ материкѣ, съ другой-невозможенъ пріятная мысль о томъ, что Константинополь, фактически бывший нашимъ, не достался намъ. Русская церковь и братская могила нашего доблестнаго войска на далекой чужбинѣ возбудили въ насъ цѣлыя рои воспоминаній о родинѣ, отъ которой мы все далѣе и

далѣе уплывали. Съ лѣвой стороны, какъ-бы прощаясь съ нами, пестрѣли группы принцевыхъ острововъ.

Паракордъ «Евфратъ», на которомъ мы теперь плыли, не менѣе «Одессы», но наше помѣщеніе ниже, темнѣе. У насъ въ трюмѣ такое расположеніе. Съ палубы нужно спускаться по довольно большой и неудобной лѣстницѣ, среди которой, сверху, укрѣплена деревянная балка такъ, что нужно согнуться „въ три дуги“, чтобы не стукнуться лбомъ о перекладину. Особенно опасно подниматься изъ трюма. Все, при чемъ иные очень сильно, стучаются о перекладину. Олинъ изъ высокихъ учениковъ—Татариновъ,—говоритъ, что онъ едва устоялъ на ногахъ, стукнувшись о перекладину; и это было не одинъ разъ. Нашъ люкъ на носу паракорда. Спустившись въ люкъ, оказываешься въ пространствѣ, по бокамъ покрытомъ нарами въ два этажа. Нары перваго этажа находятся вблизи иллюминаторовъ, которые почти всегда открыты. На нарахъ, внизу и вверху, тюфяки, набитые соломой и сухой морской травой, на нихъ такія-же подушки. Тюфяки съ подушками положены также и на полу, на лѣво отъ входа, тамъ нѣтъ ни одного этажа. Направо отъ входа, упираясь въ стѣну люка, ближайшую къ серединѣ паракорда, расположены нары въ два этажа; около нихъ, направо и налево тянутся вышеупомянутыя нары около иллюминаторовъ въ два этажа. Въ правомъ ряду около стѣны мой тюфякъ. Изъ иллюминагора у моего изголовья распространяется свѣжій прекрасный морской воздухъ. Около меня спятъ ученики нашей гимназіи братья Кошелевы, далѣ Тимофеевъ, Масленниковъ, ученики 1-й гимназіи братья Шिशкины, противъ нашихъ наръ ближе къ лѣвой сторонѣ отъ входа, спитъ Директоръ, Преподаватель Дзержинскій внизу Харестани; нѣкоторые ученики, во главѣ съ В. М. Ураевскимъ, спятъ на носу и очень хвалятъ свое спанье. Ночь провели мы очень хорошо, спали крѣпкимъ сномъ.

На слѣдующій день въ 7 ч. у. мы были въ Дарданеллахъ. Въ 8 ч. у. мы vyplыли изъ Дарданеллы, Дарданеллы—это небольшой городокъ; мы видѣли его только издали. Этотъ городокъ расположенъ въ проливѣ, соединяющемъ Мраморное море съ Эгейскимъ или Архипелагомъ и Средиземнымъ моремъ. Въ Дарданеллахъ намъ пришлось купить хлѣба, такъ какъ $\frac{1}{2}$ пуда, взятыя въ Константинополь, оказалось совершенно недостаточно.—быстро съѣли этотъ запасъ вскорѣ же послѣ отплытія изъ Константинополя. Въ Дарданеллахъ хлѣбъ 10 к. за фунтъ и хуже Константинопольскаго, который покупали 4 к. фунтъ. Хлѣбъ на паракордъ привезли на лодкахъ продавцы изъ города и усиленно навязывали его. Простоявъ на якорѣ часть въ городѣ Дарданеллахъ, нашъ паракордъ вышелъ въ Архипелагъ по направленію къ Аѳонской горѣ.

Еще за долгу до прибытія къ этой священной горѣ былъ уже видѣнъ серебряный шпиль Аѳона, какъ будто эта оконечность Аѳона увѣнчана бѣлой шапкой и паритъ надъ вѣчными стражами—тучками небесными, ярко блистая въ голубомъ воздушномъ пространствѣ. По мѣрѣ приближенія нашего паракорда къ св. горѣ окутывавшія ее густыя облака постепенно рѣдѣ-

ли, и Аѳонъ все болѣе и величественнѣе возставалъ предъ нашими глазами. Въ 5 ч. вечера 21 іюня загрохоталъ тяжеловѣсный якорь и мы остановились въ „Дафне“, пристани горы Аѳона.

Всѣмъ очень хотѣлось сойти на берегъ и быть въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ. Но пароходъ стоялъ недолго (около 2 хъ часовъ) и катера изъ монастыря, вопреки обычаю, не было. Намъ пришлось только издали любоваться священной и въ высшей степени красивою горою. Издали мы видѣли Пантелеймоновскій монастырь, Ксиропотомосъ и др. Можно было различить отдѣльныя келліи и маленькія группы ихъ, тамъ и сямъ разбросанныя по горѣ, иногда уютіяся въ скалахъ и надъ обрывами точно гнѣзда ласточекъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, среди горныхъ ущелій, бѣлою лентою тянутся дорожки и придаютъ мѣстности какой-то таинственный и вмѣстѣ уютный видъ. Вездѣ, гдѣ можетъ окинуть глазъ, во всей горѣ какъ бы разсыпанъ мраморъ; отдѣльныя глыбы и куски его, а иногда цѣлые небольшіе утесы, выдѣляются посреди роскошной тропической зелени, посреди мѣловыхъ возвышенностей и придаютъ горѣ особый видъ величія и красоты. Чудно прекрасна святая гора! При взглядѣ на нее и ея красоты мысль невольно переносится къ священному, возвышенному, божественному. Какъ бы въ дополненіе къ красотамъ Аѳона и море около горы необыкновенно красиво. На далекое, далекое пространство тихо плещется нѣжно бирюзовая поверхность морская; околонашего корабля сквозь бирюзовую воду на нѣсколько сажень видно дно, множество рыбокъ, моллюсокъ, медузъ и другихъ обитателей моря наполняютъ морскую глубину и очень хорошо видны съ палубы. Нѣсколько лодокъ снуютъ около нашего парохода; дно ихъ, погруженное въ воду, кажется бирюзовымъ; такими же кажутся весла и брызги, разлетающіяся отъ нихъ въ разныя стороны. На лодкахъ пріѣхали къ намъ нѣсколько монаховъ, очень ласковыхъ и простыхъ; они раздавали бесплатно разныя листочки религіозно нравственнаго содержанія съ рисунками и предлагали всѣмъ записаться и записать своихъ родныхъ и знакомыхъ въ имѣющихся у нихъ книжкахъ для поминовѣнія за здравіе и упокой по установленію Аѳонской горы. Радущіе и доброта монаховъ и всѣ окружающія насъ красоты привлекали насъ къ святой горѣ; никому не хотѣлось разстаться съ нею. Но вотъ пароходъ далъ первый свистокъ, якорь поднять и мы начали удаляться отъ Аѳона.

Долго видны были Аѳонскія высоты, и мы не могли оторвать глазъ отъ святой горы, пока она совершенно скрылась за горизонтомъ. Аѳонъ, Аѳонъ! какъ много думать наводитъ онъ!..

На часахъ было 6 ч. 40 м. утра 22 іюня, когда мы бросили якорь около города Салоникъ. Этотъ городъ расположенъ амфитеатромъ по пологимъ возвышенностямъ, обступающимъ бухту. Въ Салоникахъ 170,000 жителей, главнымъ образомъ испанскихъ евреевъ (90,000); 30,000 турокъ и 28 000 грековъ. Остальныя народности: сербы, болгары, итальянцы, французы и пр. Европейцевъ здѣсь небольшій процентъ. Главная улица Салоникъ—набережная, по которой проходитъ

черезъ весь городъ турецкая конка (отъ Константинопольскаго вокзала) къ окрестнымъ дачамъ. На Солоникской набережной сохранилась Вѣлая башня Византійской постройки; за городомъ на вершинахъ горъ старый семибашенный замокъ. (сди-куле) съ зубчатыми стѣнами. Въ Салоникахъ есть старинныя греческія храмы, обращенныя въ турецкія мечети, храмъ св. Дмитрія Солунскаго, храмъ св. Георгія и недалеко отъ набережной на площади—руины бывшаго храма св. Софії, сгорѣвшаго, какъ и половина города въ 1890 году. Въ Солунской греческой церкви св. Николая—моши св. Евстафія Плакиды. На окрестныхъ горахъ монастырь Чаушъ съ хранящимися въ немъ христіанскими святынями. Салоники являются въ настоящее время важнымъ центромъ Македоніи и однимъ изъ крупнѣйшихъ портовыхъ городовъ Турціи.

Салоники, или Солунъ—это въ нашемъ путешествіи первый библейскій городъ, упоминаемый въ священномъ писаніи новаго Заветъа. Въ этомъ городѣ во время второго путешествія былъ Апостоль Павелъ и основалъ первую Христіанскую общину. Здѣсь онъ крестилъ домъ Лидіи.

Въ 8 ч. у. мы начали совершать молитву въ своемъ трюмѣ. Молитва у насъ обыкновенно совершается такъ: О. Русановъ въ епитрахили, стоя передъ иконой, дѣлаетъ возгласъ: „Благословенъ Богъ нашъ“. Пѣвчіе, или точнѣе сказать всѣ ученики, поютъ „Аминь“, „Царю, Небесный“ «Святый Боже», „Отче Нашъ“, молитва утренняя или вечерняя, смотря по времени совершенія молитвы, эктенія «помилуй насъ Боже» съ возношеніемъ молитвы о Государѣ Императорѣ, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ и о Государынѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, о Наслѣдникѣ Цесаревичѣ и о всѣмъ царствующемъ Домѣ, о Святейшемъ Правительствующемъ Синодѣ, Пресвященнѣйшемъ Гермогенѣ, о плавающихъ. Послѣ эктеніи, «премудрость» „Пресвятая Богородице спаси насъ“ «Слава Тебѣ, Христе Боже» Отпустъ дня съ крестомъ. По окончаніи молитвъ всѣ прикладываются ко Кресту.

(До слѣдующаго №—ра)

IV.

Изъ скорбной лѣтописи Саратовской епархіи.

Убіиство монахини Вольскаго Владимірскаго женскаго монастыря.

27-е сентября 1910 года было тяжелымъ днемъ въ жизни Вольскаго Владимірскаго женскаго монастыря. Въ этотъ день, около 2-хъ часовъ пополудни, была звѣрски убита восьмидесятилѣтняя старица, монахиня Еликонида.

Монахиня Еликонида, въ мірѣ дѣвица Екатерина Николаева, изъ крестьянъ села Богородскаго, Николаевскаго уѣзда, Самарской епархіи, подвизалась въ обители 52 года, съ первыхъ дней ея существованія и была одной изъ трехъ ея основательницъ и первыхъ насельницъ. Много нужды и работъ выпало на ея долю по дѣлу основанія обители. Въ родномъ селѣ Ека-